

Ю И стоял, прислонившись к римской колонне в коридоре, когда стрелки наручных часов перевалили за одиннадцать.

Тихий цокот туфель по мрамору приближался. Он поднял взгляд, и в глазах за стеклами очков промелькнула тень.

К Цзайсин шел навстречу, отряхивая мокрые волосы.

Воротник его рубашки был распахнут, капли воды стекали по груди к животу, а на ключице отчетливо алел след, оставленный Ю И прошлой ночью.

Самым же вызывающим была его узкая талия — ткань рубашки, пропитавшись влагой, облепила тело, подчеркивая линию торса. Выглядел он точь-в-точь как главная звезда какого-нибудь злчного заведения, только что вышедший из гримерки.

Щелк.

Окурок полетел в урну.

К Цзайсин, не говоря ни слова, притянул его к себе и впился в губы поцелуем с привкусом мятного табака.

Ю И нахмурился, пытаясь отстраниться, но его тут же схватили за подбородок, заставляя повернуться обратно.

— М-м...!

Влажный, жадный поцелуй — Ю И почувствовал слабый привкус крови. Этот негодяй снова прикусил себе язык.

Он уперся ладонями в грудь партнера, пытаясь оттолкнуть его, но его запястья перехватили и прижали к стене. Отпустили лишь тогда, когда дыхание окончательно сбилось.

— Внутри так душно, — К Цзайсин потерся носом о покрасневший уголок глаза Ю И, позволяя тому с невозмутимым лицом застегнуть пуговицы на своей рубашке. — Не волнуйся, я просто зашел в туалет освежиться, никто ничего не видел...

Заметив, что лицо Ю И смягчилось, он решил поддразнить его:

— О, кстати, один парень все-таки видел.

Рука Ю И, застегивающая пуговицу, замерла:

— Кто?

— Довольно симпатичный мальчишка.

Ю И: !

— Но у него была такая сильная аллергия, что он чуть не отдал концы.

Ю И: ...

— Однако, — К Цзайсин сделал многозначительную паузу, с удовольствием наблюдая, как расширяются зрачки любимого.

Ю И: !

Кончики его пальцев очертили напряженную линию челюсти Ю И.

— Все равно не такой красивый, как ты.

— ...

Поняв, что его разыграли, Ю И оттолкнул его и зашагал прочь.

В следующую секунду мир перевернулся: его подхватили за талию и прижали к стене.

К Цзайсин уткнулся ему в шею, глухо посмеиваясь, и клыками коснулся пульсирующей жилки:

— Ю Сяо И, ты такой милый, когда ревнуешь.

Частые поцелуи дождем посыпались за ухо, голос стал мягче:

— Разве не самый красивый человек в мире сейчас в моих объятиях?

Уши Ю И мгновенно вспыхнули, и рука, сжимавшая воротник партнера, ослабла.

К Цзайсин воспользовался моментом, целуя его подрагивающие ресницы:

— Я правда просто помогал, у парня был серьезный приступ аллергии...

— ...Угу.

Лунный свет пробивался сквозь купол, ложась на их слившиеся тени.

К Цзайсин внезапно опустился на одно колено и, взяв руку Ю И, надел на палец простое кольцо:

— Увидел на аукционе. Цвет точь-в-точь как твои глаза.

Ю И посмотрел на светлый янтарный отблеск металла, а затем рывком притянул его за галстук, снова целуя.

Уже на парковке К Цзайсин крутил в пальцах ладонь возлюбленного:

— Теперь можем идти домой, держась за руки?

Ю И бросил взгляд в зеркало заднего вида на папарацци, снимающего их исподтишка, и крепче сжал пальцы партнера:

— Просто заводи машину.

И чего эти папарацци за ними увязались? Им бы звезд снимать, а не их.

Под рев мотора две переплетенные руки отбрасывали нежную тень на центральный подлокотник.

Се Шицин сидел в кресле с позолоченными подлокотниками, бессознательно поглаживая край бокала.

Блики от хрустальной люстры тонули в вине, но в его взгляде не было ни капли сосредоточенности.

Как он там сейчас?

Перед глазами снова всплыл Шань Шубай, опустившийся на колени.

Покрасневшие веки, дрожащие пальцы, ресницы, ставшие от слез такими мягкими и пушистыми.

Надо было пойти за ним... Интересно, кто-нибудь отвез его домой?

— Шицин? — старый господин Се постучал по тарелке перед ним. — Третий дядя спрашивает тебя насчет южноафриканских рудников.

— А? — Се Шицин вздрогнул, возвращаясь в реальность, и обнаружил, что за столом все смотрят на него.

Он поспешно сделал глоток красного вина, чтобы скрыть замешательство:

— Прощу прощения, связь была плохая.

Под столом экран его телефона все еще светился — он искал способы первой помощи при аллергии.

Когда на семейном ужине подали десерт, мысли Се Шицина снова унеслись вдаль.

Он начал представлять, как Шань Шубай зажат в углу: его затуманенные глаза наверняка наполнятся слезами, бледные губы будут искусаны до красноты, и, возможно, он издаст жалобный всхлип, словно маленький зверек...

— Хлоп!

Палочки старого господина Се с грохотом опустились на стол:

— Душу вытрясла лиса-оборотень? С начала банкета ты уже третий раз роняешь соус на рубашку!

Се Шицин опустил голову и увидел три масляных пятна на дорогой заказной рубашке.

Он виновато улыбнулся, принимая полотенце:

— Последнее время сделки по слиянию совсем вымотали...

— Вранье! — рявкнул старик. — Ты десять минут пялишься на свинину в кисло-сладком соусе. Она что, похожа на твою первую любовь?

За столом раздался смех, и Се Шицину пришлось принудительно загнать мысли о Шань Шубае в дальний уголок сознания.

Он встал, чтобы обойти гостей с тостами, попутно обсуждая с дядей судоходный бизнес, с тетей — новую ювелирную линию, а заодно помог кузине с рекомендательным письмом для учебы.

К полуночи, когда гости начали расходиться, все семейство Се было изрядно пьяно.

Се Шицин с невозмутимым видом распорядился помочь остальным подняться в номера — его организм перерабатывал алкоголь слишком быстро, и сейчас концентрация этанола в крови была ниже, чем в ополаскивателе для рта.

— Осторожнее, — он наклонился, помогая старому господину сесть в Роллс-Ройс, и накинул на плечи старика пиджак. — Завтра приеду в усадьбу, сыграем партию в шахматы.

Когда задние огни автомобиля скрылись за поворотом, Се Шицин наконец достал портсигар.

Прислонившись к фонарному столбу, он зажал между длинных пальцев тонкую сигарету.

Тусклый свет заливал его лицо мягким сиянием, сглаживая природную остроту черт.

Он слегка запрокинул голову, выдыхая дым. Кадык плавно двигался при глотании, пара расстегнутых пуговиц на рубашке открывала вид на четко очерченную ключицу.

Ночной ветер раздувал дым, и аромат табака заполнил воздух. Это был удивительный, редкий запах: поначалу холодный и чистый, с едва уловимой сладкой нотой в конце — как кедр, смешанный с карамелью, или холодная сталь, закаленная в меду.

Се Шицин был до тошноты привередлив к табаку.

Слишком горький — дерет горло; слишком сладкий — приторный; крепкий — как будто куришь дрова; слабый — пустая трата времени.

Когда-то мастер, создававший для него смеси, чуть не сошел с ума, в сердцах бросил инструменты и крикнул: Господин Се, вы не табак выбираете, вы наложницу себе ищете!

Но молодой господин Се был непреклонен.

Ему нужно было то самое: первый вдох — словно лезвие ножа по языку, с легким покалыванием; в середине — морозная свежесть снежных полей, мгновенно проясняющая ум;

а послевкусие — долгое, вязкое, оставляющее на губах сладость, словно от незаконченного поцелуя.

Ради этого он не жалел денег и даже выкупил целую табачную плантацию, чтобы вывести идеальный сорт.

Когда он наконец получил желаемое, тот мастер со слезами на глазах схватил чек и той же ночью сбежал за границу.

Сейчас Се Шицин смотрел на сигарету и вдруг тихо рассмеялся.

Его одержимость табаком была такой же, как и его интерес к тому мальчику.

Либо ничего, либо самое лучшее.

Стоило об этом подумать, как подавленные мысли снова всплыли на поверхность.

Взгляд прилип к воображаемому лицу, сердце забилося чаще, словно под кожей ползали тысячи муравьев.

То, что он чувствовал, глотая слюну, называлось жаждой.

Хотелось оставить красные следы ногтями на этой безупречной коже, хотелось зубами измерить линию ключиц, хотелось видеть, как глаза застилает влажная дымка.

Дыхание участилось. Он представлял, как слезинка, сорвавшаяся с ресниц, преломляет свет, и чье отражение застынет в этих влажных глазах.

Пальцы бессознательно сжимали ткань брюк. Жар в ладонях выдавал извращенное ожидание: как было бы здорово стереть эту слезу самому, с силой растереть большим пальцем покрасневший уголок глаза, оставить свой отпечаток на фарфоровой коже.

Этот зной в животе превращался в сладкую пытку. Чем ярче он представлял выражение краха на лице мальчика, тем сильнее волна почти болезненного наслаждения поднималась от самого позвоночника.

Се Шицин подумал, что, вероятно, он по своей натуре — обычный негодяй, который не может удержаться при виде красоты.

Он уже собирался уходить, как вдруг что-то заметил боковым зрением и замер.

С губ сорвался тихий смешок, и он зашагал к цветочной клумбе у входа.

Все его лицо сияло от удовольствия.

Надо же, какая ирония судьбы.

<http://bllate.org/book/20752/2080738>